

— Ну что, уходишь? — Шан Сяохань почесал ухо. — Не переживай, Шэн-гэ, я рано лягу спать.

Ци Цзиншэн взял ключи от машины, переобулся в прихожей и, прежде чем открыть дверь, потрепал его по голове.

— Я спокоен за тебя. Если что-то случится, сразу звони. До завтра.

Шан Сяохань невольно прижался лбом к его ладони.

— Пока, Шэн-гэ.

Ци Цзиншэн задержал руку на мгновение, уголки его губ непроизвольно приподнялись.

— Закрой дверь на замок.

Что за странная улыбка была у Шэн-гэ в конце? Такое чувство, будто она была полна скрытого смысла. Шан Сяохань застыл в прихожей, осознав, что только что сделал, и в отчаянии уперся лбом в стену.

Только собаки трутся головой о ладонь! Что я вообще думал, когда сделал это? Это был рефлекс?

Аааа!! Это Шэн-гэ обращается со мной, как с собакой, или это я сам начал?!

Едва Ци Цзиншэн въехал на территорию усадьбы Шэньюань, как ему позвонила тетушка Ли.

— Второй молодой господин устроил истерику. Где вы сейчас?

— Через две минуты буду. Что случилось? — Ци Цзиншэн закрыл дверь машины и взял с собой привезенные из старой лавки сладости.

Рядом с тетушкой Ли стояла служанка из Зала Чуньцзай, поэтому она не могла говорить подробно.

— Возможно, он привык, что после дневного сна вы с ним играете, а сегодня не нашел вас и расстроился.

— Тогда я сразу пойду в Зал Чуньцзай. Пусть кто-то выйдет забрать мои вещи.

Пройдя через извилистую галерею к Павильону Чэнсинь, Ци Цзиншэн увидел тетушку Ли, ожидавшую его у входа. Увидев, что он принес сладости, она улыбнулась.

— Разве у нас в доме не хватает сладостей?

— В старых лавках всегда есть свои секретные рецепты, — с улыбкой ответил Ци Цзиншэн. — Я возьму одну порцию в Зал Чуньцзай, а остальные оставьте себе. Остальное раздайте всем.

Служанка из Зала Чуньцзай нервничала, но не смела ничего сказать. Весь Зал Чуньцзай сегодня был недоволен старшим молодым господином.

Ци Цзиншэн не знал, что его внезапная идея привела к тому, что Ци Цзиньян привык бросать вещи ради забавы.

Или, как он это называл, «ты бросаешь, я ловлю». Независимо от того, как Ци Цзиньян

пытался изменить угол или силу броска, он всегда ловил предмет.

Каждый день после обеда малыш бросал вещи, копался в игрушках, кувыркался и шумел, а вечером, уставший, засыпал крепким сном.

Три недели хватило, чтобы сформировать привычку. Сегодня днем Ци Цзиньян проснулся, сел среди игрушек и, как обычно, схватил мягкий мяч, чтобы бросить его. Но мяч шлепнулся прямо в лицо няне.

Малыш удивился, что брошенный им предмет не был сразу же возвращен, и, схватив кубик, бросил его снова. На этот раз он попал служанке в живот.

— Ха?

Дважды не поймали его броски, и Ци Цзиньян, опираясь на мягкий коврик, неуверенно встал, держа в руке мягкий мяч, как бы говоря: «Я начинаю бросать, будьте готовы».

Он изо всех сил швырнул мяч, и тот попал в тонкостенный вазон, стоявший на изящной подставке. Ваза была легкой, и от малейшего толчка покачнулась и разбилась.

Служанки бросились убирать осколки, а няня окружила малыша, чтобы он не подошел посмотреть. Это была гостиняня Ань Хуэй, а не его детская, и здесь было много декоративных предметов, опасных для ребенка.

Ци Цзиньян разозлился. Неужели нельзя нормально поиграть? Сосредоточьтесь! В гневе он схватил кучу игрушек и начал швырять их во все стороны. Нянька попыталась его удержать, но он легко вырвался, и она не могла применить силу, чтобы не причинить ему вреда.

Вскоре все служанки и нянки в комнате пострадали, получив по несколько ударов. Даже Ань Хуэй, бросившая свои счета и прибежавшая на шум, получила два мяча.

Ее собственный сын бросил в нее мячом, и это было не просто больно физически, но и душевно.

Ци Цзиншэн, видимо, действительно скрывал злые намерения. Всего за две недели он научил сына бросать вещи в собственную мать.

Ань Хуэй дрожала от гнева.

— Кто научил молодого господина этой дурной привычке? Держите его!

На этот раз няня действительно схватила его. Ци Цзиньян, зажатый в объятиях, не мог понять, почему вчера все смеялись и хвалили его, а сегодня игнорируют и смотрят на него с недовольством.

Он тоже обиделся и залился громким плачем, повторяя несколько слов, которые знал.

— Братец, иди сюда!

Его крик был душераздирающим. Видимо, тренировки с бросками мяча дали результат: его руки и легкие стали сильнее, и его голос стал громче, чем до отъезда Ань Хуэй на отдых.

От этого крика у Ань Хуэй закружилась голова, и она, не зная, куда направить свой гнев, обрушила его на отсутствующего старшего брата, который воспитывал ее сына как

непослушного ребенка.

— Позовите сюда старшего молодого господина!

Служанка бросилась бежать в усадьбу Шэньюань, но Ци Цзиншэн не было дома. Вернувшись, она получила выговор, и ее сердце сжалось от досады.

Ци Цзиншэн неспешно шел в Зал Чуньцзай, неся сладости. Услышав рассказ тетушки Ли, он сразу понял, что произошло. Вероятно, Ань Хуэй сейчас в ярости.

— Молодой господин, поторопитесь, — служанка подошла ближе. — Молодой господин плачет, и это действительно разрывает сердце. А госпожа злится, и это пугает.

— Плач полезен для легких, — спокойно ответил Ци Цзиншэн. — Всего несколько сотен метров. Бежать туда на десять секунд раньше не имеет смысла.

Когда он вошел, Ци Цзиньян, который все это время смотрел на дверь и вытирал слезы, громко закричал.

— Братец!

Ань Хуэй чуть не сломала зубы от злости. Этот глупец, не понимающий, кто свой, а кто чужой, сразу начал с обвинений.

— Я оставила Цзиньяна с тобой, потому что верила, что ты ответственный и надежный человек. И это твой способ заботиться о ребенке?

Ци Цзиншэн с удивлением посмотрел на нее.

— С Цзиньяном что-то не так? — Он осмотрел его руки и ноги, заметил, что спина снова вспотела, и приказал служанке принести сухую одежду. — За последние полмесяца он стал лучше есть, спит спокойно и не болеет.

— Разве воспитание ребенка ограничивается только едой, одеждой и сном? — Ань Хуэй указала на разбросанные по полу игрушки. — Малейшее недовольство — и он бросает вещи в людей, неуважительно относится к слугам и даже к матери. Разве это достойно молодого господина семьи Ци?

— Эээ, Цзиньян просто играет, — все еще невинно ответил Ци Цзиншэн.

Ань Хуэй все больше закипала от гнева. Ее нежная кожа и легкая летняя одежда не выдержали удара кубиком по плечу, и она до сих пор чувствовала боль.

— Я не знала, что существует игра, где люди служат мишенями для бросков!

— Это игра, — Ци Цзиншэн уже успокоил Цзиньяна, взял у него мяч и легко бросил обратно, затем раскрыл ладонь, предлагая ему бросить снова.

Ци Цзиньян, сидя у него на руках, вытянул руку и легонько толкнул мяч, который Ци Цзиншэн ловко поймал.

— Еще?

Да, вот это игра! Ци Цзиньян тут же вытер слезы и кивнул.

Ци Цзиншэн положил его на мягкий коврик с игрушками.

— Давай!

Ци Цзиньян осторожно бросил мяч, и Ци Цзиншэн снова поймал его. После нескольких бросков малыш снова засмеялся, бегая по коврику или ползая, чтобы подобрать игрушки и бросить их Ци Цзиншэну, который неизменно ловил их и возвращал.

Иногда Ци Цзиншэн просил белый мяч или красный кубик, и если Цзиньян находил нужный, он получал в ответ кувырок и воздушный поцелуй.

Через несколько минут комната наполнилась его смехом.

Ци Цзиншэн, играя с ним, улыбнулся Ань Хуэй.

— Видите, он обычно не хочет ходить, а врач сказал, что летом нужно больше двигаться. После двух часов такой игры он съедает на ужин дополнительный желток и половинку фрукта, а ночью спит крепко. Разве вы не заметили, что он стал сильнее?

Ань Хуэй задохнулась от гнева. Ругать его было бесполезно, но и не ругать тоже. Она действительно никогда не видела Ци Цзиньяна таким энергичным, но одно было ясно: она ни за что не признает, что молодой человек лучше нее справляется с воспитанием ребенка.

— Если он привыкнет к таким играм, кто, кроме тебя, сможет с ним играть? Все служанки и нянки уже получили свои доли бросков! Кто сможет ловить его хаотичные броски?

<http://bllate.org/book/17699/1652394>